

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

УДК 930

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-112-2025-221-231

Восприятие российского революционного движения 1861–1883 гг. отечественной профессурой: особенности освещения в российской и зарубежной историографии

Емельянова Юлия Владимировна

Аспирант, emeluanova99@mail.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Во второй половине XIX в. Российская империя встала на путь модернизации. Великие реформы оказали влияние на изменение не только политической, но и общественной мировоззренческой парадигмы интеллигенции, наименее изученным элементом которой является профессорское сословие. Участие представителей научного сообщества в политической жизни страны играет важную роль в истории социальной мысли, что обуславливает актуальность данного исследования. Изучение специфики восприятия отечественной профессурой второй половины XIX в. революционных идей и практики революционного движения представляет собой мало изученное проблемное поле в отечественной и зарубежной историографии. Цель данной статьи — выявить специфические черты описания восприятия отечественной профессурой практики революционного движения на разных историографических этапах. В зависимости от особенностей анализа профессуры как объекта исследования каждый историографический период носит определенный характер (исследовательский, дескриптивный, аналитический). Более подробное рассмотрение каждого из этих этапов позволяет выделить наименее освещенные аспекты политической деятельности профессуры второй половины XIX в. Для достижения цели статьи используется историографический анализ с использованием эволюционного подхода и методов сопоставительного исследования. Результатом проведенного анализа стало выделение трех историографических этапов: исследовательского (досоветского), дескриптивного (советского), аналитического (постсоветского). В исследованиях каждого периода есть свои пробелы, которые вызваны отсутствием целостности объекта исследования: так, на первых двух этапах освещаются, как правило, яркие политические деятели среди отечественной профессуры с активной гражданской позицией, при этом игнорируется политически пассивная часть этого сословия и профессура, поддерживающая действующий режим. Это в значительной мере искажает действительность той эпохи, так как аполитичность одних и активное участие в политической жизни страны других профессоров составляют общий исторический портрет интеллигенции того времени.

Ключевые слова

История России, история общественного движения, история высшего образования, университеты России, отечественная профессура, революционное движение XIX в., историография отечественной истории, научное общество, общественная мысль, культура России XIX в.

Для цитирования

Емельянова Ю.В. Восприятие российского революционного движения 1861–1883 гг. отечественной профессурой: особенности освещения в российской и зарубежной историографии // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 112. С. 221–231. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-112-2025-221-231

Perception of the Russian Revolutionary Movement of 1861–1883 by Domestic Professors:
The Features of Description in Russian and Foreign Historiography

Yuliya V. Emel'yanova

Postgraduate student, emeluanova99@mail.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In the second half of the 19th century, the Russian Empire embarked on the path of modernization. The great reforms influenced the change of not only the political, but also the social ideological paradigm of the intelligentsia, the least studied element of which is the professorial class. The participation of representatives of the scientific community in the political life of the society plays an important role in the history of social thought, which determines the relevance of this study. The study of the specifics of the perception of revolutionary ideas and practices of the revolutionary movement by the domestic professors of the second half of the 19th century is a little studied problematic field in domestic and foreign historiography. The aim of the article is to identify the specific features of the perception study of the revolutionary movement by the domestic professors at different historiographic stages. Depending on the features of the analysis of the professors as an object of the research, each historiographic period has a certain character (research, descriptive, analytical). A more detailed consideration of each of these stages allows us to highlight the least illuminated aspects of the political activity of the professors of the second half of the 19th century. To solve this problem, a historiographical analysis is used using an evolutionary approach and comparative research methods. The result of the analysis was the identification of three historiographical stages: research (pre-Soviet), descriptive (Soviet), analytical (post-Soviet). In the studies of each period, there are gaps caused by the lack of integrity of the object of study: the first two stages, as a rule, highlight prominent political figures among the domestic professors with an active civic position, while ignoring the politically

passive part of this class and the professors supporting the current regime. This significantly distorts the reality of that era, since the political apathy of some and the active participation of other professors in the political life of the country make up the general historical portrait of the intelligentsia of that time.

Keywords

History of Russia, history of social movement, history of higher education, universities of Russia, domestic professors, revolutionary movement of the 19th century, historiography of domestic history, scientific society, social thought, culture of Russia of the 19th century.

For citation

Emel'yanova Y.V. (2025) Perception of the Russian Revolutionary Movement of 1861–1883 by Domestic Professors: The Features of Description in Russian and Foreign Historiography. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 112. P. 221–231. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-112-2025-221-231

Дата поступления/Received: 17.03.2025

Введение

Во второй половине XIX в. Россия встала на путь модернизации, а великие реформы оказали влияние на изменение культурной и общественной мировоззренческой парадигмы интеллигенции, наименее изученным элементом которой является профессорское сословие.

Участие представителей научного общества в политической жизни общества играет важную роль в истории социальной мысли. Наука во второй половине XIX в. — это отражение не только интеллектуального, но и революционного потенциала интеллигенции, вся деятельность которой была направлена на служение прогрессу. Как отмечал теоретик народничества П.Л. Лавров, наука, особенно история и философия, должна иметь гуманистический характер, однако сами по себе они не спасают от морального разложения и упадка («безнравственного индифферентизма») как отдельно взятую личность, так и общество в целом. Наука и искусство представляют собой не двигатель исторического прогресса, а лишь вспомогательные инструменты для его реализации [Лавров 1884, 92]. Силу и энергию преобразователи социальной реальности черпают именно из этих сфер человеческой деятельности. Следовательно, интеллигенция (писатели, ученые, художники) служит идеям прогресса и является своеобразным проводником социальных преобразований в тех слоях российского населения, которые в то время обобщенно именовали народом. А профессура как высший слой интеллектуальной элиты представляла собой, с одной стороны, «генератор идей», а с другой — специфический канал коммуникации между интеллигенцией и властью.

При определении роли интеллигенции в общественной жизни отечественные исследователи Н.Н. Никс и А.Ю. Андреев придерживаются дуалистического подхода, при котором выделяются две тенденции в становлении политического мировоззрения отечественной профессуры — прагматическая и гуманистическая. Прагматическая тенденция господствовала до начала XIX в., когда наука и образование служили инструментом реализации национальной стратегии развития общества. В данном случае роль профессуры сводилась к воспитанию политически пассивного человека, чье мировоззрение не должно противоречить государственной парадигме. Научная деятельность проявлялась не в преобразовательной деятельности, а в стремлении освоить те отрасли знания, с помощью которых можно реализовывать актуальный политический курс [Никс 2008, 4]. Как отмечает А.Ю. Андреев, практицизм в системе образования проявлялся и во второй половине XIX в., когда в условиях модернизации создавались специальные учебные заведения, подчиненные потребностям буржуазного развития страны [Андреев 2000, 229]. Именно в этот период формируется и гуманистическая тенденция, связанная с либерализацией деятельности университетов, вследствие чего профессура становится автономным и полноправным участником политической жизни общества, так как уменьшается количество барьеров для свободного выражения и распространения своих взглядов. Профессор превращается из кабинетного мыслителя в активного политического и культурного деятеля.

Таким образом, во второй половине XIX в. профессура оказывается между двумя указанными тенденциями: с одной стороны, либеральные реформы (в том числе университетский устав 1863 г., возвращающий автономию университетам) повышают уровень свободы и общественную активность профессоров, что, с другой стороны, приводит к жесткой и непримиримой реакции со стороны властей и ужесточению цензуры для возвращения интеллектуальной элите политически пассивного, кабинетного характера. Именно в таких противоречивых условиях происходит формирование политических взглядов отечественной профессуры.

Цель статьи — выявить специфические черты изучения и описания восприятия отечественной профессурой практики революционного движения на разных историографических этапах.

Для решения этой задачи используется историографический анализ с использованием эволюционного подхода и методов сопоставительного исследования. В основе статьи лежит принцип историзма, который позволяет проследить динамику изменения приоритетных направлений в работах разных этапов.

Для проведения анализа степени изученности проблемы восприятия практики российского демократического движения 1860–1870-х гг. отечественной профессурой выделим три историографических этапа: конец XIX – начало XX вв., советское время и постсоветский период.

Анализ историографических этапов

Историографию общественной деятельности отечественной профессуры конца XIX – начала XX вв. можно условно разделить на две группы:

- 1) публицистика с элементами исторического анализа профессоров эпохи 1860–1870-х гг., содержащая оценку не только научной, но и политической деятельности коллег;
- 2) труды исследователей, не относящихся к профессорскому сословию.

К первой категории относятся воспоминания теоретика народничества П.Л. Лаврова о С.В. Ковалевской [Лавров 1891, 3]. Этих ученых объединяет не только участие в политической жизни страны, но и научная специализация, так как оба являлись профессорами математики. В 1891 г. в Париже П.Л. Лавров произнес речь (позднее будет издана в виде воспоминаний) в память о С.В. Ковалевской. Помимо заслуг «русской развитой женщины» в науке, Лавров акцентирует внимание на ее общественной позиции: «Она была постоянной и внимательной слушательницей речей, произносимых на социалистическом конгрессе 1889 г.», «осталась верною союзницей молодой России», «она сама, говорят приятели, была социалисткою» [Там же, 3]. Именно такие люди формировали современную интеллигенцию, «...в своей борьбе образовали ту интеллигенцию, которая создавала историю» [Там же, 6]. Лавров критикует российские власти за отсутствие должного отношения к великим деятелям науки: «Почему русская ученая женщина, не разорвавшая связи с родиной, не нашла в ней ни официальной оценки своим мирным работам, ни официальной кафедры для своего чисто научного преподавания?» [Там же, 3]. Резюмируя свою речь, Лавров настаивает на необходимости социальных перемен, которые коренным образом изменят не только положение женщины в науке, но и уровень открытости политической системы.

К этой же категории можно отнести оценочные суждения В.И. Герье о своем коллеге и идейном соратнике С.М. Соловьеве [Герье 1880]. Политическая деятельность обоих профессоров была направлена на популяризацию идей равноправия (в частности, в 1872 г. при их непосредственном участии были открыты Московские высшие женские курсы, которые позволили женщинам получать образование наравне с мужчинами).

С.М. Соловьев, в отличие от П.Л. Лаврова, анализировал события своей эпохи не через построение социалистических теорий, имеющих отношение к современности, а через анализ уже свершившихся исторических событий. По мнению В.И. Герье, С.М. Соловьев как национальный историк не обезличивал русский народ в своих трудах, а наделял его определенными качествами, формировавшими политическую культуру — «политический смысл», который, в свою очередь, определял паттерны поведения человека в кризисные времена. «Политический смысл, который побуждал Русский народ всегда стоять за государство, несмотря на его суровые формы, и покорно нести тяжелое тягло, — был в сильной степени прирожден Соловьеву; этот политический смысл послужил ему верным руководителем на поприще Русской истории» [Там же, 9]. Современные ему политические процессы С.М. Соловьев, будучи русским гуманистом и западником, оценивал как объективный ход истории: «Мы должны будем в своем месте указать на его научный и гуманный взгляд на государство» [Там же, 12]. Научный взгляд историка на развитие и рост демократического движения в России 1860-х гг. отражался в использовании компаративистского подхода: политическая позиция С.М. Соловьева формировалась только при тщательном анализе причин и последствий аналогичных явлений в зарубежной истории. «Когда он хочет осветить “революционный” характер так называемого преобразования, он обращается за уяснением к сравнению с Французской революцией» [Там же, 16]. По мнению В.И. Герье, общественная позиция профессора-гуманиста заключалась в том, что он «протестовал против самозванного стремления к народности, которое обыкновенно присоединяется к буддистским стремлениям. Он приводил в связь узкое представление народности с мелкой недостойной великого народа враждой, с завистью к другим народам <...> Он хорошо сознавал, что прогресс, развитие, расчлениют, ведут к разнообразию форм бытовых и общественных; он потому не мог сочувствовать тем, которые в быте крестьянского сословия видели последнее слово истории, идеал человеческого общежития» [Там же, 31–32].

Зять С.М. Соловьева приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета П.В. Безобразов при написании очерка об историке использовал оценочные суждения В.И. Герье. По мнению Безобразова, именно В.И. Герье дал «лучшую оценку сочинения Соловьева» с точки зрения социальной значимости [Безобразов 1894, 14]. П.В. Безобразов отмечал, что Соловьев был цельным, но умеренным по политическим убеждениям человеком. Склонность к анализу не давала профессору переходить в крайности: «Соловьев говорил сам о себе, что его считали либералом в царствование Николая и консерватором в царствование Александра II» [Там же, 23]. Умеренность профессора проявлялась и в его избирательной практической деятельности: он «участвовал только в органах прогрессивных, умеренно либеральных», «писал исключительно статьи исторические, в которых не любил уклоняться в сторону и говорить о современности» [Там же, 23].

Еще одна публикация в той же категории текстов — это биографический очерк доктора медицины Ю.Г. Малиса о профессоре Н.И. Пирогове. Общественная деятельность Пирогова в большей степени сводилась к популяризации повышения качества образовательной системы для того, чтобы «отличить знание и талант от бездарности и невежества» [Малис 1893, 26]. Главная проблема университетского образования — стагнация в развитии: «В нашем мало развитом обществе и особливо провинциальном, — справедливо говорит Пирогов <...> — всего труднее уберечь университет от апатии и застоя» [Там же, 26]. Пирогов выступал не просто за повышение уровня знаний народа, а за «осмысленную грамотность» — профессор считал развитие критического мышления (как и П.Л. Лавров) основой реализации социального прогресса. Только образованный человек, умеющий анализировать окружающую действительность с точки зрения науки, способен вести за собой народ: «...у нас еще нужнее, чем где-нибудь, даровитые люди; мы не должны забывать, что каждый из них может подвинуть массу вперед, более чем сотни стоящих вровень с нею» [Там же, 28].

Вторая категория исследований конца XIX – начала XX вв. в большей степени ангажирована, так как представляет собой инструмент революционной агитации. Вопрос участия отечественной профессуры в политической деятельности рассматривается как один из элементов обоснования необходимости проведения более масштабных социальных изменений. Исследователи активно используют мемуары, письма и архивные источники представителей интеллигенции второй половины XIX в. Философия русской революции формируется на теоретических идеях мыслителей прошлого столетия, в связи с чем особый интерес представляют труды профессуры, в которых предпринимаются попытки дать оценку нараставшим революционным событиям в стране. К подобным трудам можно отнести статью анархиста Б.С. Стоянова, в которой дается оценка роли П.Л. Лаврова в формировании русского социализма 70-х и 80-х гг. XIX в. Автор анализирует политическую философию профессора исключительно с точки зрения той идеологии, к которой принадлежит сам, что придает статье субъективный характер. Б.С. Стоянов разграничивает две политические позиции Лаврова: социалистическую и анархическую, при этом стремясь убедить своего читателя, что истинное мировоззрение теоретика народничества тяготело к последней: «Многолетнее влияние социалистической среды на Лаврова сумело придать ему лишь социалистический облик, оставив не затронутым его анархический дух»¹. По мнению автора, роль Лаврова сводится к примирению анархистов и социалистов и переосмыслению последними своих идеологических ошибок: «Вот почему я говорю о Лаврове: он — мой, и для тех, кто со мной, он — их, для тех же, кто на противоположной стороне непроходимой пропасти, он — чужой, он — не их»². Таким образом, в статье присутствует агитационный материал, а анализ философии Лаврова лишь инструмент для популяризации идей анархизма.

Таким образом, данные работы представляют собой сочетание исторической и политической публицистики, что также имеет свою методологическую ценность: взгляды профессоров конца XIX в. по-своему трактуются учеными начала нового столетия с точки зрения новых исторических процессов.

Итак, в конце XIX – начале XX вв. исследования восприятия революционных событий отечественной профессурой были обусловлены актуальностью нарастающего социального напряжения: в трудах профессоров искали ответы на возникающие вопросы, обращались к их теориям для обоснования необходимости исторических изменений. В центре внимания исследователей этого периода была деятельность отдельных профессоров (как правило, коллег), поэтому обобщающих работ с элементами компиляции не было (из-за публицистического характера эти труды нельзя в полной мере причислить к научной историографии — они относятся к источникам, из которых представители последующих двух периодов будут черпать факты для дальнейшего анализа проблемы). Однако общественная позиция профессуры находилась на периферии внимания авторов, за исключением тех случаев, когда профессор сам являлся участником политической борьбы (П.Л. Лавров). Аполитичные профессора, как правило, не вызывали исследовательского интереса.

Второй историографический этап охватывает советский период, когда исследования, вне зависимости от научной отрасли, имели классовую направленность. После утверждения политического строя, за который так активно боролись в начале века, тональность исследований изменяется с агитационной на дескриптивную: описываются основные преимущества социалистического режима. Для того, чтобы оттенить слабые и сильные стороны действующей советской власти и окончательно утвердить ее авторитет, исследователи обращаются к анализу роли интеллигенции в революционных событиях прошлого столетия. Главная отличительная

¹ Стоянов Б.С. Анархизм и П.Л. Лавров // Библиотека анархизма [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/stoyanov-b-anarhizm-i-p-l-lavrov> (дата обращения: 15.03.2025).

² Там же.

особенность трудов этого периода заключается в том, что социализация их авторов проходит уже в советский период, что влияет на характер их мировоззрения: если исследователи первого этапа анализировали действительность для будущего созидания новой реальности, то исследователи второго этапа уже являются частью новой системы, и преобразовательная функция их научных публикаций сводится к минимуму. Необходимо также отметить, что советское время — время научных открытий, поэтому исследователи уделяют внимание не столько революционному, сколько научному вкладу отечественной профессуры 1860–1870-х гг., что не является объектом данной работы. С.И. Посохов наиболее точно отразил суть освещения университетского вопроса в советской историографии: в основу «интеллектуальных конструкций было положено противопоставление прошлого и настоящего» [Посохов 2018, 1253].

Среди исследователей политической активности профессуры второй половины XIX в. стоит выделить В.Ф. Антонова и В.А. Малинина.

В.Ф. Антонов — один из ведущих историков советского времени, в работах которого рассматривается революционная философия П.Л. Лаврова. В частности, его докторская диссертация была посвящена «исторической концепции» теоретика народничества. В своем труде «Революционное народничество» Антонов следующим образом определяет роль П.Л. Лаврова в революционном движении второй половины XIX в.: «Неустанная проповедь Лаврова обращала внимание русских революционеров на необходимость создания боеспособных организаций <...> эклектическая, не отличавшаяся четкостью и определенностью взглядов, теория Лаврова полностью не была воспринята ни одной из революционных групп России» [Антонов 1965, 108]. Стоит отметить, что П.Л. Лавров представляется не как автор уникальной теории, а всего лишь как идеологический оппонент С.Г. Нечаева и М.А. Бакунина: «... нанес удар по авантюризму Нечаева, а последующее выступление Лаврова в “Вперед!” охлаждало бунтарский пыл Бакунина» [Там же, 108].

В.А. Малинин, напротив, придает большое значение работам Лаврова для революционной практики. По мнению историка, труды Лаврова — это «социалистическое евангелие многих революционных народников» [Малинин 1972, 13]. В.А. Малинин также сопоставляет учение П.Л. Лаврова с философией М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева: «...если Лавров предлагал длительную подготовительную работу, то Бакунин требовал немедленного повсеместного бунта. Ткачев не был согласен с обоими и предлагал поразить самодержавие одним ударом заговорщиков» [Там же, 288]. Таким образом, как и В.Ф. Антонов, В.А. Малинин рассматривает философию П.Л. Лаврова в контексте с идеями других революционных теоретиков второй половины XIX в.

Однако не вся историография советского времени носит нейтрально-описательный характер. Несмотря на то, что в связи установлением в государстве социалистического строя исчезла потребность в агитационном формате научных трудов, появляется необходимость обоснования справедливости исторического выбора за счет героизации деятелей эпохи 1860–1870-х гг. В 1961 г. выходит сборник «Сподвижники Чернышевского» (публиковавшийся в серии ЖЗЛ), в котором уделяется внимание и профессурам как участникам революционной борьбы (Н.В. Шелгунов, Н.Н. Обручев): «Это они в годы революционной ситуации сплотились в тесное ядро вокруг вождей революционного лагеря. Их усилиями создавалось всероссийское общество “Земля и воля” — прообраз революционной партии, поставившей задачу революционного воспитания народа и руководства крестьянской революцией» [Куликов 1961, 5].

В советское время повышается интерес к проблеме российского демократического движения со стороны зарубежных историков (среди которых профессора М. Конфино [Confino 1972], Р. Уортман [Wortman 1967] и Дж. Биллингтон [Billington 1956]). Американский исследователь Ф. Помпер в 1972 году издает монографию о профессоре и теоретике народничества

П.Л. Лаврове [Pomper 1972]. Возобновление интереса к этому философу Ф. Помпер связывает с переводом Дж. Скэнлана «Исторических писем» П.Л. Лаврова [Scanlan 1967]. В монографии Лавров раскрывается читателю как многогранная личность: его путь как революционного мыслителя рассматривается поэтапно — от предпосылок (как социальных, так и психологических) формирования политического мировоззрения, заложенных в детстве, до активной деятельности профессора как ведущего теоретика народничества. Следовательно, размеренное жизнеописание профессора математики американским исследователем также носит дескриптивный характер. Филипп Помпер следующим образом определяет роль профессора в революционном движении: «Так любезный, мягкий, комически близорукий преподаватель математики, ученый, любивший декламировать стихи дамам на петербургских званных вечерах, стал союзником партии юношей и девушек, атаковавших российские власти с кинжалами, пистолетами, динамитом и пироксилином» [Pomper 1972, 18].

Таким образом, второй историографический этап характеризуется более нейтральными публикациями описательного характера. Во многих исследованиях субъективные оценки постепенно начинают уступать комплексному анализу роли профессуры в революционной деятельности. Однако для поддержания высокого уровня авторитета действующего режима некоторые научные публикации продолжают выполнять агитационную роль.

Постсоветский этап характеризуется переходом от дескриптивной к аналитической модели исследований, что в значительной степени решает проблему ангажированности публикаций, свойственную первому и второму этапам. Отечественная профессура рассматривается комплексно и выделяется как самостоятельный объект исследования, тогда как ранее профессура изучалась в совокупности с другими представителями интеллигенции XIX в. Наиболее известными авторами этого периода являются Н.Н. Никс, М.В. Грибовский, М.В. Торопов.

Н.Н. Никс внесла большой вклад в изучение отечественной профессуры: используя методы статистического анализа, она составила комплексный социальный портрет московских профессоров XIX в. [Никс 2008]. При этом каждый профессор представлен как носитель не только индивидуальных, но и коллективных ценностей, что позволяет составить представление об отечественной профессуре как о социальной группе. Е.А. Ростовцев и Д.В. Боднарчук провели аналогичный анализ представителей столичной (петербургской) профессуры: социологическое исследование, в котором сравнивался социальный портрет историков, работавших в Санкт-Петербургской духовной академии в 1869–1917 гг., и историков, работавших в светских учебных и научных учреждениях столицы, показало общий тренд «политизации академической среды» [Ростовцев, Боднарчук 2020, 78] во время революционных событий.

Научный интерес на современном этапе представляет не только столичная профессура: так, исследователи Е.А. Вишленкова [Вишленкова 2005] и Л.А. Бушуева [Бушуева 2012] в своих трудах анализируют социальный портрет профессуры Казани. Это позволяет проследить закономерности и особенности в развитии политического мышления профессуры двух категорий — столичной и провинциальной. Так, А.Ю. Андреев, используя статистический и просопографический методы, проанализировал количественные и качественные показатели, свойственные профессуре всех российских университетов в 1755–1884 гг. [Андреев 2021].

М.В. Грибовский рассматривает профессуру как интеллектуальную элиту, чей уровень гражданской ответственности определяет качество формирования «нового типа личности» XIX в. Именно профессора являются носителями ценностей, которые определяют публичную повестку своего времени: студенты как наиболее политически активная часть молодежи восприимчивы к революционным высказываниям преподавателей [Грибовский 2015, 55]. Подобная политическая

функция профессуры провоцировала настороженное отношение властей, что выражалось в постоянном контроле и надзоре. М.В. Грибовский в другой своей статье иллюстрирует это с помощью анализа делопроизводственной документации [Грибовский 2011]. А.А. Шмелев выделяет ряд характерных черт либеральных профессоров второй половины XIX в., среди которых примечательны критическое отношение к политике Министерства народного просвещения и идеям славянофильства и поддержка студентов в конфликтах с университетским начальством [Шмелев 2019, 54].

Такое революционное воспитание от одних профессоров вызывало недовольство у консервативно мыслящей части коллег. Так, М.В. Торопов наделяет профессуру, помимо просветительских, политическими функциями, которые проявляются в удержании студенчества от массовых беспорядков и в необходимости внушения «компромиссной линии поведения» [Торопов 2009, 565].

Политическая активность отечественной профессуры в трудах указанных исследователей рассматривается как объективное последствие эпохи Великих реформ. Деятельность профессуры приобретает конкретную форму, что отражено в многочисленных классификациях. Например, А.Е. Иванов выделяет следующие формы проявления оппозиционности университетскими профессорами: критика действий правительства, участие в либеральных изданиях, участие в земском движении, участие в просветительских кампаниях и противозаконные контакты со студентами [Иванов 1991, 245–246].

Таким образом, третий историографический этап отличается тем, что профессура становится полноценным объектом исследования и рассматривается как групповой актор, оказывающий влияние на политическое воспитание не только студентов, но и всего населения. Научные публикации носят объективный характер и опираются на статистические данные. Однако этот этап обезличивает политическую деятельность представителей профессуры: сводятся к минимуму публикации, в которых описан вклад конкретного человека в общественную деятельность.

Заключение

Подводя итог данной работе, можно сделать следующий вывод: каждый историографический период носит определенный характер: первый — исследовательский, второй — дескриптивный, третий — аналитический. В исследованиях каждого периода есть свои пробелы, которые вызваны отсутствием целостности объекта исследования: на первых двух этапах освещаются, как правило, яркие политические деятели среди отечественной профессуры с активной гражданской позицией, при этом абсолютно игнорируется политически пассивная часть этого сословия и профессура, поддерживающая действующий режим. Это в значительной мере искажает действительность той эпохи, так как аполитичность одних и активное участие в политической жизни страны других профессоров составляют общий исторический портрет интеллигенции того времени. На современном этапе, напротив, отдельно взятый представитель интеллигенции не вызывает исследовательский интерес: акцент смещается на анализ профессуры как социальной группы и ее влияние на революционные события второй половины XIX в. Значительные изменения можно проследить и в научной методологии: на современном этапе для подтверждения теоретических данных все чаще используются статистические и просопографические методы.

Список литературы:

- Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Андреев А.Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 1. С. 19–43. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2021.102](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102)
- Антонов В.Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение, 1965.
- Безобразов П.В. Сергей Соловьев. Его жизнь и научно-литературная деятельность. СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1894.
- Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.
- Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2005.
- Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // Оттиски из журнала «Исторический вестник. СПб: тип. А.С. Суворина, 1880.
- Грибовский М.В. Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1(13). С. 25–30.
- Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. С. 54–71.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Институт российской истории РАН, 1991.
- Куликов Ю. Сподвижники Чернышевского. М.: Молодая гвардия, 1961.
- Лавров (Миртов) П.Л. Исторические письма. М.: Общестуденческий союз, 1884.
- Лавров П.Л. Русская развитая женщина. В память Софьи Васильевны Ковалевской: (Прочит. на собр. 6 апр. 1891 г. в Париже). Женева: Вольная русская типография, 1891.
- Малинин В.А. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972.
- Малис Ю.Г. Николай Пирогов. Его жизнь, научная и общественная деятельность. СПб.: типогр. П.П. Соикина, 1893.
- Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX вв.: социокультурный аспект. М.: Новый хронограф, 2008.
- Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 63 № 4. С. 1238–1256. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2018.414](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.414)
- Ростовцев Е.А., Боднарчук Д.В. Историки Санкт-Петербургской духовной академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // Вестник ПСТГУ. 2020. № 95. С. 70–93. DOI: [10.15382/sturII202095.70-93](https://doi.org/10.15382/sturII202095.70-93)
- Торопов М.В. Профессорская корпорация 60–70-х гг. XIX столетия и ее вклад в формирование правовой культуры общества // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. 2009. № 12. С. 564–567.
- Шмелев А.А. Критерии оценивания преподавателей студентами юридических факультетов в университетах России в XIX – начале XX в. // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 3. С. 52–55. DOI: [10.30853/manuscript.2019.3.9](https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.9)

Billington J.H. Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford: Clarendon Press, 1956.

Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // *Daedalus*. 1972. Vol. 101. Is. 2. P. 117–149.

Scanlan J.P. Peter Lavrov: Historical Letters. Berkeley: University of California Press, 1967.

Pomper P. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

Wortman R. The Crisis of Russian Populism. London: Cambridge University Press, 1967.

References:

Andreyev A.Yu. (2000) *Moscow University in the Social and Cultural Life of Russia at the Beginning of the 19th Century*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Andreyev A.Yu. (2021) A Statistical Study on the University Professoriate in the Russian Empire. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 66. No. 1. P. 19–43. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2021.102](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102)

Antonov V.F. (1965) *Revolutsionnoye narodnichestvo* [Revolutionary narodism]. Moscow: Prosveshcheniye.

Bezobrazov P.V. (1894) *Sergey Solov'yev. Ego zhizn' i nauchno-literaturnaya deyatel'nost'* [Sergey Solovyov. His life and scientific and literary activity]. Saint Petersburg: tip. E. Evdokimova.

Billington J. H. (1956) *Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford: Clarendon Press.

Bushueva L.A. (2012) *Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917 gg.* [The everyday life of a university professor in Kazan. 1863–1917]. Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.

Confino M. (1972) On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth - and Nineteenth-Century Russia. *Daedalus*. Vol. 101. Is. 2. P. 117–149.

Ger'ye V.I. (1880) *Sergey Mikhaylovich Solov'yev* [Sergey Mikhaylovich Solovyov]. Ottiski iz zhurnala "Istoricheskiy vestnik". Saint Petersburg: tip. A.S. Suvorina.

Gribovskiy M.V. (2011) Political Surveillance under Professors of Russian Universities in end XIX – Beginning XX Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1(13). P. 25– 30.

Gribovskiy M.V. (2015) "Left" University Professors' Political Activity in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Novyy istoricheskiy vestnik*. P. 54– 71.

Ivanov A.E. (1991) *Vyshshaya shkola Rossii v kontse 19 – nachale 20 veka* [Russian higher school in the late 19th – early 20th century]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN.

Kulikov Yu. (1961) *Spodvizhniki Chernyshevskogo* [Companions of Chernyshevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Lavrov (Mirtov) P.L. (1884) *Istoricheskiye pis'ma* [Historical letters]. Moscow: Obshchestvencheskiy soyuz.

Lavrov P.L. (1891) *Russkaya razvitaya zhenschina. V pamyat' Sof'i Vasil'yevny Kovalevskoy: (Prochit. na sobr. 6 apr. 1891 g. v Parizhe)* [Russian developed woman: In memory of Sophia Vasilyevna Kovalevskaya (Read at the Meeting on April 6, 1891 in Paris)]. Zheneva: Vol'naya russkaya tipografiya.

Scanlan J.P. (1967) *Peter Lavrov: Historical Letters*. Berkeley: University of California Press.

Malinin V.A. (1972) *Filosofiya revolyutsionnogo narodnichestva* [Philosophy of revolutionary narodism]. Moscow: Nauka.

Malis Yu.G. (1893) *Nikolay Pirogov. Ego zhizn', nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Nikolai Pirogov. His life, scientific and public activities]. Saint Petersburg: tipogr. P.P. Soikina.

Niks N.N. (2008) *Moskovskaya professura vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: sotsiokul'turnyy aspekt* [Moscow professorship in the second half of 19th – early 20th centuries: Socio-cultural aspect]. M.: Novyy khronograf.

- Pomper P. (1972) *Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement*. Chicago: University of Chicago Press.
- Posokhov S.I. (2018). The Universities of the Russian Empire in the Soviet Historiography. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. 63. No. 4. P. 1238–1256. DOI: [10.21638/11701/spbu02.2018.414](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.414)
- Rostovtsev E.A., Bodnarchuk D.V. (2020) Historians of St. Petersburg Theological Academy (1869–1917): An Attempt of a Collective Portrait. *Vestnik PSTGU*. No. 95. P. 70–93. DOI: [10.15382/sturII202095.70-93](https://doi.org/10.15382/sturII202095.70-93)
- Shmelev A.A. (2019) Criteria for Lecturers Assessment by Students of Law Faculties in Russian Universities in the XIX – Early XX Century. *Manuskript*. Vol. 12. No. 3. P. 52–55. DOI: [10.30853/manuscript.2019.3.9](https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.9)
- Toropov M.V. (2009) Professorskaya korporatsiya 60–70-kh gg. XIX stoletiya i eye vklad v formirovaniye pravovoy kul'tury obshchestva [Professorial corporation during 60–70s of the 19th century and its contribution to formation of legal culture of society]. *Tambovskiy gosudarstvennyy universitet im. G.R. Derzhavina*. No. 12. P. 564–567.
- Vishlenkova E.A. (2005) *Terra Universitatis: dva veka universitetskoy kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan': Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet.
- Wortman R. (1967) *The Crisis of Russian Populism*. London: Cambridge University Press.